

siř, заимствованное из персидского, с русской формой «шерешер» — удвоенным звукоподражательным корнем, альтернирующим с «хорохор». Западное происхождение и значение термина «харалуг» — «фряжская сталь» можно отныне считать окончательно установленным взамен лингвистически и археологически сомнительной гипотезы о связи этого слова с тюркским корнем «qага».¹⁰

Монография колумбийского тюрколога (XIX) наряду с работой его польского коллеги¹¹ убедительно вскрыла глубокую древность алтайского слоя в лексике «Слова». Из восточных элементов этой лексики наиболее поучительным для историко-литературной интерпретации «Слова» является имя «Боян». Знакомое средневековому обиходу восточных, западных и южных славян, оно восходит к древнему алтайскому нарицательному имени, принимавшему на себя также роль имени собственного и означавшему барда, вещуна, волшебника, оборотня (XIX). Этот облик унаследован вешим Бояном «Слова» и созвучной легендой о сыне Симеона Болгарского, маге, «способном превращаться в волка и других зверей»: запись Лиутпранда именует его Баяном, а другие источники Вениамином, и это имя традиционная библейская ассоциация связывает опять-таки с волком (ср. VIIIл и XIб).

Основным результатом разносторонней работы над интерпретацией «Слова» были критическое издание памятника (VIIIб) с обстоятельным филологическим (а, г, л) и историческим (д, к) аппаратом, попытка реконструкции первоначального текста (е), нашедшая себе продолжение в труде люблянского слависта Нахтигала,¹² и, наконец, перевод древнерусского произведения на французский, английский и современный русский языки в соответствии с новейшей экзегезой «Слова» (в, ж, з). В том же направлении участник нью-йоркского семинария поэт Юлиан Тувим радикально переработал свой прежний польский стихотворный перевод «Слова» (и). Ценный вклад Калифорнийского университета в работу над «Словом», его испанский перевод (XIV), в свою очередь примыкает к нью-йоркскому коллективному опыту, тогда как труд гарвардских славистов — критический текст с итальянским переводом в туринском издании (XXIX) — отражает дальнейший этап американских занятий «Словом». В нью-йоркском издательстве «Пантеон» готовится к печати коллективный труд — критический текст «Слова», поздний и первоначальный, с английским художественным переводом и обширными комментариями, подводящими итоги новейшим исследованиям о языке и стиле «трудной повести», о ее историческом фоне, связях с отечественной и международной письменностью, с устной традицией и древнерусским изобразительным искусством и, наконец, об отголосках «Слова» в позднейших русских литературных памятниках.¹³

Существенным подспорьем для решения таких вопросов служат две публикации, подготовленные отделом славянских языков и литературы в Гарвардском университете. В первом из этих начинаний группа гарвардских работников, идя по пути, намеченному в пытливых статьях В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева, и строго применяя приемы

¹⁰ Помимо VIIIд, л и XIX, см. уточняющие соображения В. Кипарского в «Neuphilologische Mitteilungen» (L, 1949, стр. 45—47) и археологическую аргументацию В. Арента (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 175—189).

¹¹ А. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. — Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, A, № 34, 1949.

¹² R. Nahtigal. Staroruski ep Slovo o polku Igorevě. Любляна, 1954.

¹³ Новейшую стадию наших работ над «Словом» отражает перевод, который помещен в конце статьи (стр. 114—119).